

ВОТ И СТАЛА Я "САТИРИЧКОЙ"

Журнал "Мир" - 1991 - 26 авг. - с. 6.

— Кпара, последнее время ваша популярность достигла, можно сказать, апогея.

Даже в самых, казалось бы, бытовых монологах у вас присутствует модное сейчас политическое начало. Ваша небоязнь восхищает. Это что — зов души или "актерский прием"?

— Сейчас у нас все перемешалось, как в доме Облонских, — и быт, и политика. Хотя какой наш быт? Есть горькое существование и сосуществование. Мои героини — несчастные женщины, которых мне, как и себя, до боли жаль. Не может, не должна женщина, приспособившаяся к окружающей действительности, уподобляться помовой лошади, гонимой и затравленной зайцу.

Жизнь у всех, а у женщин особенно, очень неспадкая. Сейчас не до "гениев чистой красоты", не до импортной косметики, так усиленно рекламируемой телевидением, к тому же баснословной стоимости. Все это выглядит как насмешка. Ведь сейчас главное — достать хоть что-то из продуктов, чтобы накормить семью, как-то одеть ее и одеться самой. Впрочем, может быть, интенсивным показом обнаженных девиц нам дают понять, что одеваться вообще совсем не обязательно?

Я не боюсь говорить об этом со сцены, потому что все это — правда. Хотя за правду у нас по головке раньше не гладили, да и теперь не очень-то жалуют, судя по тому, что произошло со "Взглядом". Как говорится — поймели взгляд. Но я считаю своим долгом, долгом женщины, матери, актрисы сказать людям то, что чувствую, что наболело.

Мои авторы-единомышленники: М. Жванецкий, В. Коклюшкин, А. Рас, А. Володарский — вместе со мной протестуют и стараются из всех сил помочь нашим людям, стране не впасть в коллапс. Рушатся идеалы во всех сферах. Никто ни во что не верит, потому что у тех, кто "там наверху", нет четкой позиции и сплошные зигзаги. Я, например, не представляю, как будем жить при "рынке", на котором правит бал мафия, и где она, а не владелец товара, устанавливает цены. И не потому, что я не понимаю сути новой экономической политики. Просто я привыкла жить сегодняшним реальным днем, а получила, что все мы как бы оказались в фантастической "машине времени", которая способна переносить людей на несколько веков и вперед, и назад.

— То, что вы говорите со сцены, для многих весьма нелицеприятно. Правда — она глаза колет. Но народ зрители воспринимают ваши выступления с пониманием, по достоинству оценивают юмор и сатирические стрелы, направленные в горячие "черные" точки нашей повседневной жизни. Вы

ощущаете это взаимопонимание?

— Еще бы! Мне иногда кажется, что я чувствую взволнованное дыхание каждого сидящего в зале. Они все мне очень близки и дороги. Так хочется, чтобы они хоть на какое-то время расслабились, улыбнулись, от души посмеялись. Надо мной, над собой, над всеми нами. И когда это происходит — я счастлива. И готова с удвоенной силой бороться со всеми чиновниками от искусства, теми "лишними людьми", которые стоят на страже чистоты "Взгляда" и "Авторского ТВ". Можно закрыть газету, ликвидировать передачу, но вот чего не могут отнять у нас — так это чувство юмора и обостренное понимание происходящего. Ни запреты, ни танки, ни десантные войска уже не в состоянии "перекрыть кислород" народу, который вздохнул полной грудью, тем, кто вкусил сладкое слово "свобода". Пути назад нет.

— Ваши сценические "подруги" разнолики и разнообразны. Как они уживаются в вас одной?

— Эти "тетки, дамы, женщины" — мои соплеменницы. Я их люблю и жалею. Спекулянтка, "дама из очереди", героиня кинематографа, живущая чужой жизнью, приезжая из провинции, "перестроенная" жена и другие — все они — продукты нашей жизни. Мы их знаем, ежедневно встречаем, кого в транспорте, кого в очереди, кого дома или на улице. В моих монологах они хорошо соседствуют, наверное, потому что я им искренне сочувствую. И еще потому, что черточка каждой из них есть во мне. Им всем сейчас трудно и страшно жить, как и мне.

— Но в этих типажах, наверное, есть и элемент авторской и актерской фантазии?

— Фантазии нет, есть обобщение. Я, как и все, хожу по магазинам. (Актёры, к сожалению, не прикреплены ни к каким магазинам, где дают заказы.) Стою в очередях на общих основаниях, предъявляю визитки на всю семью, караулю в жэке талоны на сахар и табак, которые потом, следуя совету Гавриила Харитоновича Попова, меняю, потому что у нас никто не курит, переживаю, что по "приглашению" не могу купить постельное и нижнее белье. Вот в этих "точках" и встречаюсь со своими героинями, общаюсь с ними, вслушиваюсь в их рассуждения, высказывания. То, что порой приходится слышать, не придумаешь. Все это и помогает создавать те или иные образы и добиваться их узнаваемости.

— Вы упомянули о семье. У вас что — семеро по лавкам? Вообще, расскажите немного о себе.

— Нет, нас всего трое, не считая собаки Патрика. Муж — журналист, дочка Маша учится в восьмом классе. Кстати, это она назвала меня "сатиричкой".

— Она, очевидно, собирается пойти по вашим стопам? По крайней мере, чувство юмора у нее есть.

— Ну, не совсем по моим. Она занимается в детском музыкальном театре юного актёра. Сейчас они готовят оперу "Маугли", с которой поедут на гастроли в Швейцарию. Так что забот и хлопот у нее хватает.

— А дома?

— Конечно, по мере сил и возможностей она мне помогает. Ведь я часто уезжаю на гастроли, и ей — девочка все-таки — надо учиться вести хозяйство. Вдали от дома все время думаю, как они там. И хотя стараюсь наготовить еды впрок, все равно душа неспокойна. Хорошо, иногда мама из Киева присылает пироги, а иногда даже котлеты с чесночком. Договаривается с проводником (конечно за деньги) и приносит кулек вечером к поезду, а утром муж, или я, или Маша забираем. Тогда у нас праздник. Жаль, что борщ нельзя прислать. Очень уж здорово мама его готовит.

— А что любите готовить вы? У каждой женщины ведь есть свое фирменное блюдо.

— Я тоже умею и люблю готовить знаменитый украинский борщ. Мамина школа. Вообще я люблю выдумывать еду. Когда я дома, то люблю порадовать мужа и дочку чем-то особенным. Правда, когда Маша говорит: мама, сделай что-нибудь очень-очень вкусненькое, то я отвечаю: с этим, пожалуйста, не ко мне, а к Михаилу Сергеевичу.

— Как же все-таки началась ваша "жизнь в искусстве"?

— Родилась я в Киеве. Мечтала стать артисткой цирка или кино. Все девочки, между нами говоря, об этом мечтают. Но после школы, провалившись в театральный институт, пошла с горем в эстрадную студию, не подчинилась обстоятельствам. Там встретила замечательного артиста Павла Захарова, который стал внушать мне, что я непременно должна поехать в Москву на конкурс. Иными словами последовать примеру Ломоносова, который, правда, приехал с севера. На том "звездном" конкурсе в 1974 году я стала вместе с Хазановым лауреатом. Тот смотр открыл, кстати, Р. Ибрагимов, Т. Мяги, "Ариэль" и многих других талантливых артистов. Спустя какое-то время я переехала в Москву и стала работать в Москонцерте. Потом закончила ГИТИС у прекрасного педагога-актера В. Шалевича. Теперь вот создаю собственный театр.

— Ваша последняя работа — спектакль "Соло для кровати со скрипом" — наделала много шума, хотя и не имеет никакого отношения к модному сейчас сексу. Он злободневен своей политической остротой и гражданской смелостью. Не боитесь, что и вам зажмут рот железной рукой, накинут

чехол, как на оружейный ствол?

— Если откровенно, то боюсь. Над спектаклем мы работали больше года. Наш коллектив: Л. Новоженев, режиссер В. Дружинин, композитор Л. Квинт и поэт И. Иртеньев — вложили в него много души, сердца и нервов. Аллегория, философия, сатира — вот три кита, которые составляют концепцию спектакля. В нем мне приходится петь, танцевать, заниматься клоунадой и эксцентрикой. Мы задались целью как бы воссоздать жизнь каждого из нас — от первого пионерского салюта и песенки: "Раз, два — Ленин с нами, раз, два — Ленин жив..." до нынешних дней, полных разочарования и тревог. Символами этой жизни как бы служат монологи о Ленине, Мао, Гитлере, Сталине, миниатюры о переписке статуи колхозницы, что на ВДНХ, со статуей Свободы в США, рассказы о фантастических магазинах "Мишель" и "Райский уголок", где все "что угодно для души" и о "капитане", ведущем наш корабль-страну опять в светлое будущее. Только в какое на этот раз?

"Соло для кровати со скрипом" — это рассказ о нас с вами, о нашей жизни, о тех, кто ее создал нам и теперь всеми силами старается сохранить в прежнем виде. Происходящее похоже на жуткий сон, на фантастику. Ведь каждый нор-

мальный человек понимает, что дальше так жить нельзя. Но ему словно говорят: а ты живи, куда тебе деваться! В финале я умоляю: "Просните меня, прошу вас! Я не хочу этого кошмарного сна!"

Что же делать, к кому обратиться? И я обращаюсь к Господу Богу. К нему все теперь кинулось... Может, он поможет нам, нашим детям и внукам, хотя и говорят: на Бога надейся, а сам не плошай. После этого спектакля у меня страшное опустошение и нервный спад. Я забываю, что я просто актриса и только исполняю роли. Бывает, что приходится незаметно класть под язык валидол — сердце не выдерживает.

— Как "сатиричка" — во что вы верите? Как вам представляется наше будущее?

— Я верю в добро. Верю, что люди все-таки найдут силы, разумеется, не вооруженные, чтобы победить зло, ожесточение, ненависть, которых у нас сейчас хоть отбавляй. Надо только проникнуться таким желанием и действовать сообща. Если последуем все вместе мудрому совету поэта: "Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке", то если не светлое, то просто нормальное будущее если не у нас, то у наших детей и внуков будет.

Беседу вел Валентина ТЕРСКАЯ
Фото Александра КРЕЙМЕРА